

РУССКИЙ БАПТИЗМ И ПРАВОСЛАВИЕ (Серия “Диалог”).
Константин Прохоров. М.: Издательство ББИ, 2017;
x + 450 с.; ISBN 978-5-89647-362-6; 590 RUB

Книга Константина Прохорова раскрывает неизвестную для многих область православного влияния на русский баптизм. Общепринято считать, что баптисты противопоставляют себя православию и сознательно дистанцируются от всего того, что можно назвать отличительными особенностями православной культуры. Автор удачно разрушает этот стереотип и обращает внимание на множество признаков влияния православия на русский баптизм, которые имели место на

территории Советского Союза в 1960-1990 гг. Православные и баптисты долгие годы жили рядом на одной территории, огражденной “железным занавесом”. Именно в этот период истории, когда жестокие гонения на верующих раннего советского периода отошли в прошлое, однако исповедание веры продолжало требовать исповедничества, обстоятельства жизни религиозных общин способствовали появлению все большего числа точек соприкосновения между баптизмом и православием. Факты, свидетельствующие об удивительной близости духовного опыта верующих из столь непохожих конфессий, будут интересны и неожиданны для многих как протестантских, так и православных читателей.

Автор хорошо владеет материалом. В книге рассмотрены и проанализированы многие аспекты религиозной жизни – от официального учения церковью до повседневных обычаев и нарративов, бытующих среди верующих. Автор отдает предпочтение фактам и избегает преждевременных обобщений. Для объективности исследования важно, что автор проинтервьюировал более сто известных баптистских служителей, эмигрировавших с начала перестройки в США. Этим людей не затронула трансформация постсоветского баптизма, начавшаяся после открытия границ СССР для иностранных проповедников и приведшая к сближению отечественной баптистской традиции с традицией западной.

Излагая предысторию вопроса, автор деликатно подходит к острым темам межконфессионального противостояния официального православия и протестантских движений в Российской империи, в то же время показывая хорошее знакомство с исторической литературой. Можно согласиться с автором в том, что русский баптизм, имея корни в европейской реформации, вместе с тем является уникальным и “глубоко национальным” (72) явлением. Такая двойственность приводила к тому, что в официальных документах баптистских церковей и в заявлениях их руководителей провозглашались крайние протестантские взгляды, и вместе с тем в повседневной церковной практике, особенно небольших и удаленных общин, появлялось все больше элементов, заимствованных из православной духовности. Один из основателей движения Совет церковей ЕХБ Ю. К. Крючков отмечал: “Менталитет мы все невольно восприняли из окружающей нас православной среды...” (229).

Автор приходит к выводу, что в области богословия советские баптисты приняли оригинальную попытку синтеза некоторых протестантских и православных идей. Православные представления особенно повлияли на учение о спасении. Общепринятые взгляды на спасение среди русских баптистов мало чем отличались от православного учения, придерживающегося принципа синергии Бога и человека. Отечественные баптисты были “бесконечно далеки от доминирующего среди западных (европейских, американских) баптистов кальвинистского учения о спасении” и ничего не знали об арминианстве (87-88). Близости богословия баптистов к учению Православной Церкви способствовало и то, что протестанты пользовались Синодальным переводом Библии – то есть Библией “православной”, считая этот перевод лучшим из всех существующих. Автор справедливо отмечает, что любой перевод Священного Писания несет на себе отпечаток конфессиональной принадлежности переводчиков (108). Кроме того, в каждой

церкви существует своя традиция толкования Писания, то есть, фактически, свое предание, даже если доктрина этой церкви отвергает предание. На практике это выглядело так, что, провозглашая протестантский принцип *Sola Scriptura*, советские баптисты неизбежно тяготели к православной традиции понимания Писания (111) – это наблюдение автора представляется очень важным.

Особенно интересны главы 3-7, в которых автор описывает литургическую и нарративную традицию и субкультуру советского баптизма. Близость к литургической традиции православия проявляется в первую очередь в отношении к крещению и евхаристии как к таинствам церкви. Хотя официальное богословие баптистов избегает называть вечерю Господню таинством, на практике отношение к ней мало чем отличается от отношения православных верующих к причащению. Автор указывает, что для баптистов характерны пятничный церковный пост перед евхаристией с полным отказом от пищи и воды, воздержание от супружеской близости накануне причастия и личный пост утром перед хлебопреломлением, покаянные молитвы, примирение с ближними и прощение всех (154).

Влияние православия на литургическую традицию баптистов прослеживается также в седмичном и годовом циклах богослужений. Кроме общехристианского литургического дня – воскресенья, баптисты особенно выделяли среду и пятницу как дни воспоминаний страданий Христа (в православии среда и пятница – постные дни, тематически связанные со страданиями Господа), а также субботу как ожидание и предвосхищение воскресного дня (в православной традиции суббота также не является будним днем). В то время как западные баптисты отмечают, как правило, лишь Рождество и Пасху, годовой круг советских баптистов включал в себя еще несколько православных праздников, связанных с воспоминанием библейских событий: Крещение Господне, Сретение, Благовещение, Вход Господень в Иерусалим, Страстной четверг, Пятидесятницу, день Святого Духа, Преображение Господне (187). Автор обращает внимание и на то, что сам порядок проведения службы в баптистских общинах имеет свой неписанный устав, или, по выражению члена президиума ВСЕХБ, “унаследованные традиции” (197), которые крайне трудно поддаются изменению (198), что также сближает баптистов с православием. Кроме того, в некоторых общинах заимствовали и литургическую эстетику православия: храмовую роспись и даже богослужебные одежды (209).

Особенно близкими верующие из разных конфессий и деноминаций становятся в условиях гонений. Советская власть невольно способствовала сближению православных и баптистов. Такая близость особенно ярко отображалась в обращении баптистов к православной святоотеческой литературе (творениям св. Иоанна Златоуста, святоотеческим поучениям из Добротолюбия, которые публиковали, чаще всего без подписи, в изданиях евангельских христиан), в различных устных преданиях, в практике повседневной жизни. Так, автор обращает внимание на феномен чудотворных предметов, который в православной среде проявлялся преимущественно в рассказах об иконах или нательных крестиках, чудом сохранявшихся во время гонений, при обысках или пожарах, а среди баптистов – в рассказах о чуде спасенных книг Священного Писания, так что не только смысл Писания, но и сам предмет – физическая книга – в глазах рядового

баптиста нес на себе “печать Божией благодати” (216). Таким образом, как убедительно показывает автор, среди советских баптистов возникло понятие вещественной святыни, уходящее корнями в православное учение об иконопочитании.

Совершенно неожиданным на первый взгляд может показаться описываемый автором “монашеский путь” советского баптизма. Не называя себя монахами, многие братья и сестры из баптистских церквей избирали фактически монашеский образ жизни, при описании своего братства использовали монашеские образы и терминологию. Автор обращает внимание на то, что женщины, вступающие в баптистскую общину, были чаще обречены на монашеский образ жизни – поскольку сестер в общинах было во много раз больше, чем братьев (с. 230).

Читатель может удивиться и отношению к праведникам у баптистов, что очень близко к почитанию святых в православии. Автор приводит распространенные среди баптистов рассказы о святой жизни служителей И. А. Лаптева и И. В. Иволина, содержащие элементы, типичные для агиографического нарратива (243-45). Похожие рассказы в это же время распространялись и о православных подвижниках благочестия.

Книга Прохорова может быть полезна как для религиоведов, так и для верующих протестантских и православных церквей, которые хотят лучше узнать и друг друга, и собственную традицию. Это первый труд, который столь всесторонне и объемно освещает рассматриваемую тему. На необходимости изучения православной традиции для отечественных протестантов настаивал А. Мурзин в книге “Диалог с православием” (Киев: “Свет на Востоке”, 2013). Не менее важно для протестантов узнавать элементы православной традиции в баптистских движениях. Важно, что Прохоров пишет с уважением к обеим традициям, акцентируя не полемические вопросы, но показывая многие точки соприкосновения. Уважительное изучение наследия друг друга – начало настоящего диалога.

Андрей Дудченко

Украинская Православная Церковь, пресвитер

Киев, Украина